

Блестящий правитель, сияй и пылай...

Аббас даже не мог вспомнить, когда он в последний раз спал. Физическая усталость уже казалась нормальным состоянием. Его тело возражало каждому движению, но он почти не замечал.

Психическая усталость не была проблемой. Разум думал безостановочно. Новые идеи, старые идеи в новом контексте, новые проблемы, старые проблемы. Это можно исправить. Это можно попробовать.

Работающая Кузня Слияния в его руках. Это было нечто, во всех смыслах.

Так много предстояло узнать и сделать. Потенциал нахлынул на него волной. Необходимо отдохнуть, когда-нибудь. Наверное. Но сейчас он был полностью поглощён работой.

И обожал каждую минуту за ней.

Здесь внешний мир значил гораздо меньше. Он всё ещё понимал срочность своего дела, конечно – это, возможно, была его главная мотивация. Но это же процесс. Тут нельзя спешить. У спешки нет реальной ценности.

В первую очередь он должен был испытать возможности Кузни. За исключением неизбежной атаки Избавления, ничто бы не смогло отвлечь его от этого места.

Началось всё с простых попыток соединить два простых материала вместе. Маленькие молекулярные связи. Может ли Кузня создавать воду из водорода и кислорода, например?

И ответом было «да», хотя потребовалось несколько попыток, чтобы разобраться. Но это стало огромным облегчением. У него с самого начала складывалось ощущение, что эта кузня специализируется на органике и потому возникла бы большая проблема, если бы даже вода оказалась ей неподвластна. Конечно, тогда он бы просто синтезировал её сам – простая задача для объединителя хоть с каким-никаким опытом – но это бы не слишком хорошо работало с более продвинутыми возможностями Кузни.

Которые он только начинал открывать.

Гигантская стеклянная сфера была, по всей видимости, универсальным инструментом. Всё происходило внутри. Сбор, анализ, разрушение, соединение, изменение – возможно даже

больше, просто он ещё не открыл всё, на что она способна.

Даже сейчас, спустя месяц, и с целой кучей ассистентов, прибегающих по первой мысли, Аббас чувствовал, что лишь едва коснулся поверхностных способностей этой штуки. Половину всего времени он не знал, что чувствует – разочарование или неописуемое восхищение.

До сих пор, его творения были довольно скромными.

А в то же время, совсем наоборот. Как посмотреть, их можно было бы назвать и великими свершениями.

Он сделал растение. Лишь маленький саженец, но всё же. Это был организм. Жизнь. Созданный из ничего, кроме как сырых материалов и его собственного воображения.

На техническом уровне это было нечто. Объединитель без помощи такое никогда бы не сделал. Но с прагматической точки зрения... может и ничего особенного. Этот крошечный саженец ведь не поможет им отобрать родину из рук Избавления, нет?

Он знал, что нужно сохранять терпение, но как же это трудно, когда так много стоит на кону. Хотя это давление не было чем-то новым. Он чувствовал его долгие годы. Просто никогда раньше оно не тяготило настолько.

Постоянное напоминание того, что все зависят от него.

Поэтому и не было времени на сон.

К счастью, он смог сделать и другие, неорганические штуки. Саженец, возможно, был самым впечатляющим творением, но только как доказательство концепта. Наиболее полезным творением он бы назвал улучшенный щит, который сделал для Гектора.

Прототип «Амир-Девять», щит, который Гектор подарил ему обратно в Уоррене, был идеальным материалом для испытания Кузни в начальной стадии. Насколько сложный, что без внешней помощи объединение с ним было невозможно, но в то же время легко заменим, если процесс окажется слишком тяжёлым и уничтожит его. У юного лорда Гоффа валялась целая комната таких, поэтому Аббас не стеснялся брал ещё. Он был почти уверен, что Гектор не будет против.

В результате, ему удалось создать прототип Амир-Десять. Хотя, пожалуй, он заслуживал полностью новое имя.

Амир-Девять выделялся четырьмя вертикальными линиями карбида вольфрама, в то время как основа была сделана из стали и титана. Амир-Десять мог похвастаться ещё четырьмя, которые перечёркивали остальные горизонтально, делая щит похожим на шахматную доску.

Возможно, умнее было бы просто заменить всё вольфрамовым карбидом из-за его выдающейся прочности, но Аббас считал, что несколько материалов были эффективнее против химических реакций. В частности, гидрофтористая кислота проедала вольфрамовый карбид гораздо эффективнее, чем сталь.

Кроме того, ещё стоило думать о весе. Щит и так стал очень тяжёлым, потому что вольфрам весил даже больше стали – гораздо больше. Титан должен был уменьшить общий вес конструкции, как довольно лёгкий, но прочный металл, поэтому решение заменить его было непростым. Может, в бою со сверхчеловеческой силой слуг вес имел не самое большое значение, но эту штуку ещё предстояло донести до боя.

Аббас сомневался, что Гектор сможет дематериализовать и вернуть обратно Амир-Десять, как он делал с девятой версией. На самом деле, ему не хотелось, чтобы он даже пытался. Всегда оставался вариант, при котором Гектор просто уничтожит часть десятого, а призовет обратно девятого, в одно мгновение уничтожив всю его работу.

Но, с другой стороны, ему было очень любопытно посмотреть на результат в реальности. Вполне возможно, преобразование Кузни могло изменить Амир настолько, что Гектор просто не сможет его дематериализовать. Кузни Слияния были уникальны в этом свойстве, но узнать наверняка без испытания щита было невозможно.

По этой самой причине использование материализованных материалов в объединении оставалось спорным предметом. Сама мысль о том, что кто-то может материализовать безумное количество чего-то, продать всё – или даже отдать, а потом ходить по свету и устраивать саботаж, где захочет, вызвала немало проблем в прошлом.

Худшие примеры, естественно, продемонстрировало Избавление. Внезапная дематериализация критически важных элементов инфраструктуры. Электростанций. Предметов сельского хозяйства. Насосы воды. Всё это приносило ужасные последствия, хотя почти не требовало усилий со стороны саботажника.

Хотя встречались примеры и пострашнее. Аббас из детства помнил, как они дематериализовали целый небоскрёб с людьми внутри.

И это только Избавление. А ведь ещё были саботажники, которыми двигала жажда наживы. Не раз кто-то наполнял континентальный рынок драгоценными металлами. Они получали огромную наживу на первых продажах, при этом значительно уменьшая цену из-за повышения предложения. Потом ждали, и когда проходило достаточно времени, металлы начинали таинственным образом пропадать, что повышало цену снова. И цикл повторялся, оставляя без денег миллионы людей.

Авангард и остальные давно сформировали множество наблюдающих за подобными махинациями организаций, чтобы предотвратить новые кризисы на этой почве, но это до сих пор периодически происходило. И совсем не помогал тот факт, что материализованные элементы невозможно отличить от естественных.

Аббас помнил заявление одного из вышестоящих членов Авангарда, который хотел зарегистрировать всех материализаторов мира. Так, если на рынке подозревались манипуляции с каким-то элементом, то они сразу знали в какие двери стучаться. И, конечно, любой материализатор, который не хотел регистрироваться, становился целью преследования международного суда.

Некоторые страны даже согласились, Джезбол и Мельмур были одними из первых. А Интар выступал с горячими заявлениями против. Возможно, однажды в будущем регистрация материализаторов Элоа и появится.

Но, со своей стороны, Аббас не собирался потакать их планам.

Впрочем, едва ли его мнение сейчас имело значение. Он ведь не правил Саиром. Даже собственным халем почти не интересовался.

Но всё же. Пока он жил, независимость Саира будет оставаться приоритетом, а оставлять своих граждан на волю международного суда – тем более, принадлежащего Авангарду – что ж, такого никогда не случится.

Последние события скорее только укрепили его в этом мнении.

Кроме того, он не верил, что такая регистрация вообще сработает. В долгосрочной перспективе, единственное, чего они добьются, так это дадут государству ещё один способ законного преследования. Любой достаточно безумный, чтобы обрушить мировой рынок или устроить массовые беспорядки не испугается просто списка. Таких маньяков может остановить только реальное, внимательное наблюдение. Работа детективов.

Но политики не хотели это слышать. Или они считали, что общество не хочет это слышать. В любом случае, исход был тем же.

Более того, по мнению Аббаса, такой список шёл вразрез с верой Авангарда в то, что они не должны вмешиваться в политику. Всё больше и больше это было похоже на пустые слова, чем на их идеал. Он не собирался поддерживать этот тренд.

В отношении Амира-Десять, Впрочем, ему удалось добиться некоторых других улучшений. Механизм регенерации теперь работал быстрее. Процент на пятьдесят. Шокирующая цифра, по его мнению. Скорее всего, дело было не только во вмешательстве Кузни, но и в том, что над прошлым прототипом они с Хакком работали несколько лет назад. Прогресс их навыков определённо стал одним из факторов.

Аббас ещё хотел реактивировать свойство усиления души, которое было у Амира-Девять, но не вышло. Что бы Расаласэд ни сделал с его щитом, это целиком и полностью удалило главное свойство.

Технически, можно было дать эту способность Амиру-Десять, просто начав с нуля, но это бы потребовало долгие месяцы работы. Требовался чрезвычайно медленный процесс «вытягивания и выпекания», который пришлось бы проводить с его собственной душой, а у него сейчас не хватало времени.

Хотя это разочаровывало, конечно, поэтому в качестве компенсации потери Аббас решил поработать ещё и дать Амиру-Десять полностью новую черту.

Функцию трансформации.

Идею он почерпнул из машин смерти Моргунова, хотя ничего настолько безумного не планировал. И вообще, процесс отличался. Роботы Демона каким-то образом превращали себя в совершенно другие, но всё ещё работающие формы. А он планировал просто изменение физической структуры щита по воле носителя.

Хотя больше всего ему в этом помог, как не удивительно, Гарвель. Однажды, когда он позволил ему понаблюдать за своей работой и выслушать свои идеи, жнец сказал, что они с Гектором нашли древний предмет, который уже мог так делать.

Меняющееся Копьё Логанте.

Оно было у одного из подчинённых Гектора, который, после вежливой просьбы, согласился одолжить его Аббасу.

Какой же это был подарок. «Копьё» могло превращаться в меч, топор, посох, кинжал, и наверняка целую кучу других форм, которые были потеряны в песках времени. И всё голосовыми командами. Потрясающий шедевр их общего, с этим творцом, ремесла.

Гарвель, впрочем, упомянул, что Гектора это оружие не впечатлило. Что неудивительно для материализатора. Гектор мог добиться того же эффекта своей способностью. Но целям Аббаса Копьё подошло идеально. Будто чертёж его идей.

Его всё ещё поражало, что объединители прошлого могли создавать такие вещи. Логика говорила, что их знания должны были развиваться так же, как и обычный технологический прогресс.

Однако нет.

И точная причина... оставалась загадкой даже для такого старого объединителя как Аббас.

Хотя гуляло множество теорий, конечно. Одна из наиболее популярных предполагала, что проблема в самих объединителях – в целом, они с ревностью охраняли свои секреты, чтобы никто не использовал их открытия против них самих. Или, альтернативно, потому что они были

слишком заняты открытиями, чтобы отвлекаться на такие тривиальные вещи как обучение.

Это объяснение и Аббасу казалось наиболее вероятным. Объединители были печально известны своей эксцентричностью. На самом деле, отчасти он чувствовал себя слишком скучным среди товарищей по ремеслу.

Возможно, из него бы получился изобретатель получше, сойди он с ума.

Ещё одна популярная теория гласила, что проблема потери знаний заключалась в ком-то – или какой-то организации, которая активно их подавляла. На взгляд Аббаса, это слишком далеко заходило в зону теорий заговора, однако он встречал немало людей, которые в это верили. Мотив, как они обычно считали, был в том, чтобы держать само человечество в вечной тьме незнания. Чтобы предотвратить решение значительных проблем посредством технологий.

Ха. Если это правда, то в последние два столетия эта организация потеряла хватку. Относительно говоря, только за последнее столетие технологии продвинулись дальше, чем за последние десять тысяч лет, во многом благодаря объединителям. Аббас почти не сомневался, что так продолжился и впредь. Весь смысл технологического прогресса заключался в том, что он – теоретически – может только ускоряться со временем.

Но всё равно напрашивался вопрос: как много знаний было утеряно за эти долгие годы? И как много ещё могут быть открыты заново?

Возможно, Амир-Десять как раз один из примеров.

Кузня очень помогла в изучении Меняющегося Копья Логанте и, в результате, он обнаружил ключевой фактор голосового управления.

Это, как оказалось, псевдосознание.

В Копье был полуразумный участок силы души. Сам по себе, он ничего не мог, но соединяясь с живым существом, начинал реагировать. В некотором смысле, душа носителя была как переключатель в электронной схеме души Копья.

Никогда раньше Аббас не встречал такого псевдосознания, способного понимать и реагировать на звуковые стимуляции. Довольно продвинутый уровень. Сложность заключалась в том, что голосовые команды должны были сохраняться где-то, чтобы Копье могло их распознать.

Но где? В Копье не был встроен компьютер, как в его доспехи. Это же просто кусок металла.

И это, пожалуй, было самым большим открытием.

Информация сохранялась в душе Копья. Или в «полудуше», ведь полноценной она не была. Оно не живое. Но в нём нашлась запоминающая структура, созданная специально для удержания таких команд.

Аббас даже не верил, что такое возможно. Сохранять информацию во встроенном кармане силы души?

Значение такого открытия было умопомрачительным. Только ради этого дополнения он мог бы полностью переделать свою броню. И другие бессчётные прототипы сделанные им в прошлом.

На него словно обрушили ведро холодной воды. Или целое море. Будто все последние пятьдесят лет он не видел чего-то совершенно очевидного прямо у себя под носом. А может и дольше.

Очевидно же, что души можно было использовать для запоминания. Жнецы – живое тому доказательство. Их безупречная память была лучшим примером, который только можно представить. Просто он никогда не думал об этом, как о концепте способном сравниться с современными способами сохранения информации.

Хотя нельзя было сказать, что после этого прозрения всё пошло гладко.

Было непросто создать запоминающую структуру из ничего, кроме силы души. Даже с копьём в качестве чертежа, задача оказалась удивительно трудной. Потребовалось несколько продолжительных серий размышлений, прежде чем Амир-Десять увидел хоть какой-то прогресс.

Ради нового прототипа он хотел какое-нибудь простое изменение формы, но всё равно полезное. Ему было известно лучше других, насколько легко проект выходит из под контроля, если поставить слишком амбициозную цель. Бессчётные «изобретения» его юности проваливались даже раньше испытательного периода именно по этой причине.

Мозговой штурм, пожалуй, был самой интересной частью, поэтому и самой опасной. Без самодисциплины, дающей понять, когда пришло время прекратить играть с идеями и приниматься за работу, открыватель обречён на карьеру полную разочарований.

Поэтому Амир-Десять будет изменяться просто в размере. В обычном состоянии он был таким же, как девятая версия, но добавятся два других: один меньше и два больше. Кроме того, он решил добавить дополнительное кодовое слово, которое будет увеличивать изгиб поверхности щита.

Маленький вариант предполагался просто для переноса, но был ограничен тем фактом, что вес не изменялся, вне зависимости от размера. Поэтому меньший вариант, вместе с тем, был самым толстым, в то время как увеличение постепенно истончало толщину.

Аббас решил, что раз душу Гектора щитом не усилить, то лучшее, что он мог, это хотя бы защитить его тело целиком – с одной стороны, по крайней мере.

Возможность изменять изгиб была создана с той же целью. На максимальном размере с включенным изгибом Амир-Десять превращался в нечто вроде половинки кокона. Утончение поверхности означало снижение защиты, в сравнении с версиями поменьше, но учитывая обманчиво юный возраст Гектора, эта защита всё равно могла помочь.

Эх, коматозное состояние мальчика тревожило. Объяснить ситуацию рейнлордам было очень трудно.

Аббас до сих пор с трудом верил, что они так сильно разозлились. Несколько раз чуть ли не доходило до драки, даже несмотря на всё, что они уже пережили.

Если бы не успокаивающее присутствие Гарвеля, Аббас не знал, что бы случилось. Оставалось совершенно непостижимым то, каким образом жнец сохранял такую уверенность, когда буквально никто не понимал, что происходит.

Но Аббас был благодарен за помощь. Очевидно, он недооценил то, насколько рейнлорды дорожат Гектором. Что, на самом деле, не сильно удивляло. Он и так думал, что этот юноша им дорог.

Что, чёрт возьми, происходило в этом маленьком уголке мира? Во владениях юного лорда Тёмной Стали?

Даже Аббас чувствовал, что его затягивает. Он почти не знал этого парня, а всё же...

Мысль, что Гектор может проснуться ещё не скоро... или никогда...

Ну, она удивительно пугала. Возможно даже больше, чем должна была. Аббас бы солгал, если бы сказал, что это не одна из основных причин того, почему он решил в первую очередь заняться новой версией щита, вместо каких-то других проектов. Ему хотелось сделать подарок Гектору, когда он проснётся.

В любом случае, Аббас надеялся использовать это новое понимание псевдосознания в будущих проектах.

На самом деле, возможно именно этот путь приведёт его к мечте о новом отряде воинов в механической броне. Он не хотел слишком сильно полагаться на надежду, но в то же время, эта идея дразнила, и даже очень.

Главной проблемой нынешнего прототипа было то, что для полной эффективности ему приходилось устанавливать свои сенсоры прямо в мозг. Что, очевидно, недоступно для не-слуг.

Но если удастся установить в костюм это самое псевдосознание? Или даже несколько. Как много проблем это могло решить...

Хм-м.

Нет, пока было рано говорить о том, насколько далеко можно зайти с этой идеей. Он сомневался, что его мечта вообще достижима. Но это шаг в верном направлении. И большой.

Хотя костюм был довольно чувствительной темой. Это самое важное оружие в его арсенале. На случай нового нападения, Аббасу требовалась броня, готовая к бою здесь и сейчас. Поэтому в ближайшее время вносить большие изменения в неё он не мог.

Но в то же время, любое улучшение могло спасти жизнь. Его и всего хая.

Особенно, если появится Безумный Демон собственной персоной.

Этого Аббас боялся больше всего. Что Моргунов завоюет Каллум, а потом и Лорент. Или ещё хуже: просто пропустит Каллум, чтобы сразу атаковать их.

Теперь, когда костюм снова работал, он был уверен, что сможет выдержать даже столкновение с императором.

Ну. Почти уверен.

Если Кровавый Глаз посмеет показаться без Моргунова за спиной, то Аббас обязательно сделает так, чтобы это маленькое чудовище никогда больше никому не помешало. Но ему, похоже, хватало мозгов не соваться. Это объясняло, почему за прошедший месяц не было никаких новостей о вторжениях.

Вместо этого Избавление пыталось упрочнить своё положение в Саире. Силы Авангарда, по всей видимости, недавно потеряли Агварей и им пришлось отступить ещё глубже в Мокроземье.

Чего, логически говоря, не могло случиться. Фельдмаршал Джексон, как считалось, пережил катастрофу в Юго, следовательно, теоретически, он в одиночку должен был остановить продвижение Избавления в отсутствие Моргунова.

Значит, что-то было совершенно неправильно. Либо Моргунов всё ещё в игре, либо Джексон из неё вышел. Даже с разведчиками рейнлордов, тщательно следящими за ситуацией, они получали слишком много дезинформации.

Им бы определённо помогла помощь разведчиков сэндлордов. Но до сих пор не было

никакого прогресса в отношении объединения с другими хаями. Аббас не мог выделить времени, чтобы попытаться связаться с ними лично, поэтому оставлял эту задачу на сыновей, но до сих пор они получали в ответ только тишину или даже прямые отказы.

И Аббас не мог винить их за страх.

Это всё его вина. Как де-факто лидер Золотого Совета и самый сильный слуга среди сэндлордов, Аббас был обязан защитить их всех. Будь он на их месте, его вера в Золотой Совет пошатнулась бы.

Больше тысячи лет никому не удавалось изгнать сэндлордов из Сухоземья. Уорвал уже несколько раз напоминал ему этот факт, и в каждом из халей был жнец, заставший те времена лично. Они наверняка давали советы своим лидерам семейств, объясняли им ситуацию.

Рассказывали о том, что всё находится в постоянном движении. Даже иерархия в хаях.

Аббас не хотел обманывать себя. Его «подъём» в рядах сэндлордов всё ещё был относительно недавним событием. Если забыть про славу, которую ему принесла победа над Иваном, то сейчас он в своём влиянии на Золотой Совет вернулся назад всего лишь лет на двадцать назад.

Было трудно установить момент, когда он стал «сильнейшим» среди своих. Природа его силы, в сравнении с остальными, была немного странной. Конечно, он считался старейшим со смерти Махира Дагера, и старейшим во всём Саире со смерти Бернардино Блэкбёрна, но возраст не был единственным фактором. Прирост усиления души с годами становился только слабее.

Поэтому в общей картине двадцать лет не играли никакой роли. Кровь сэндлордов Саира пускала корни на глубину двух тысяч лет – или больше, смотря как измерять.

Значит, остальные хали наверняка увидят в этой ситуации шанс установить прецедент. Аббас слаб и теперь это очевидно всем. Если кто-то другой добьётся успеха там, где он провалился, то с чего вдруг рейнлордам не пойти бы за новым лидером?

Сам Золотой Совет могут пересобрать или даже полностью распустить.

Тот, кому удастся вернуться Саир, получит такой рычаг над остальными, что сможет поступать как захочет. Сможет править. И дети этого человека тоже будут править.

В некотором смысле, они могут увидеть эту ситуацию как подарок богов.

Но, конечно, реально вернуть Саир – и не только Сухоземье – было проще в мечтах, чем на самом деле. Нужно быть готовым к сражению с Безумным Демоном. Как, чёрт его можно

победить?

Аббас просто надеялся, что в халях не хватит дураков, чтобы составить этим сумасшедшим компанию.

Это, возможно, было вторым по величине страхом Аббаса, на данный момент. Если один из других халей решит, что они могут править сэндлордами с позволения Безумного Демона, то конфликт будет таким же, как в прямом столкновении с Избавлением. Или даже хуже.

В таком случае между сэндлордами появится неисправимый разрыв. Именем чёрного ада, никогда Аббас не позволит сделать своих детей слугами Безумного Демона, и он был уверен, что несколько других лидеров халей считали так же. Хасан Дюксан, Юзеф Шихаб.

И Асад Наджир, конечно, если он ещё считался.

Эти мужчины скорее умрут, чем будут работать на Моргунова. Хотел бы Аббас сказать то же про остальных, но...

Начались трудные времена. Откровенно говоря, он не знал, как могут отреагировать ещё четверо лидеров. Хамза Дагер, Навид Каттан, Тарик Хайен, Рахат Матин. С таким количеством жизней на кону? С такой властью перед носом?

Война Трёх Песков уже доказала, что верность между халями – вопрос непостоянный. Тот конфликт может и случился задолго до его рождения, но Аббас не собирался игнорировать урок.

Меньше всего он хотел воевать за души своих родных.

Но если придётся, то именно так он и поступит.

Он надеялся, что освобождение Асада может это предотвратить. Возможно, он стал чем-то вроде белой вороны в последние годы, но Лев Пустыни всё ещё был важен для его родных. Даже если многие из них больше не придерживаются старых взглядов, он подозревал, что в открытую они не захотят идти против такой сакральной фигуры.

Но, конечно, освобождение Асада было на грани невозможного в этот раз. Может быть, это даже труднее, чем вернуть весь Саир.

Однако если это вообще может быть исполнено, то Гектор будет ключом. Его связь с Расаласэдом может оказаться их единственным способом хотя бы обнаружить Асада.

Ещё одна причина того, почему Аббас почувствовал себя неожиданно и неразрывно

связанным с этим юным лордом Атрии.

Он не часто размышлял над тем, что ещё боги припасли для него в этом мире. Откровенно говоря, Аббас не видел ценности в таких вопросах. Чему суждено случиться, то случится. Лучше сосредоточиться на том, что можно сделать. На науке. На том, на что он может повлиять.

Но временами, при достаточно странных ситуациях, его мысли заходили в эту сторону. Временами ему казалось, будто он на мгновение заметил то, что его предки называли Великой Цепью. Невидимые пути Судьбы. Путеводная нить богов.

В тот момент, когда Гектор отпустил Кузню, после того как неподвижно простоял перед ней две недели, и ровно за мгновение до потери сознания, юноша сказал слова, которые Аббасу едва удалось понять.

«Свеча Кокоры приветствует тебя, ученик Ярости».

Чем больше он думал об этом заявлении, тем страннее оно ему казалось.

В этом почти не было смысла, но когда Аббас проверил, Кузня действительно сменила имя на «Свечу Кокоры». Тот самый отсутствующий кусочек мозаики, которого ему не хватало для начала работы.

На самом деле, после этого всё будто заработало само по себе. Хотя Аббас настоял на том, чтобы сперва изучить её ещё несколько раз. Что оказалось правильным решением. Он нашёл несколько утечек рвения, нуждавшихся в ремонте. Ничего серьёзного, к счастью, но всё же. Лучше не идти на риск, когда работаешь с Кузней Слияния.

Но была ещё вторая часть. «Ученик Ярости».

Аббас размышлял над значением этих слов снова и снова.

Особенно последнего. Ярость.

Это зацепило его, потому что он уже слышал подобные эмоции в этом слове, много лет назад. Один из его учителей, Дольф Рахман, пробормотал это в одной из своих сумасшедших речей под нос, прямо перед концом жизни.

На самом деле, это был последний раз, когда Аббас его видел.

Дольф всегда казался окружающим наполовину безумным. Отчасти, это было его очарованием. А ещё источником гениальности, возможно. Но в эту их последнюю встречу,

слово «наполовину» не подходило. Аббас помнил, как слушал его и думал о том, что любимый учитель покинул этот мир навсегда.

— Жизнь, риск, время, переменны. Вытесненный и обезумевший, разум гуляет и сокрушается. Слова слишком скудны, мысли слишком узки, душа слишком хрупка. Хаос охлаждается в Ярости, Я-ро-сти. Хаос охлаждается, но Ярость горит. Она пылает. Она в бешенстве. Ты не видишь, Бабо? Ярость – это мы. Это мы. И прямо сейчас, это я. Я Ярость, Бабо. Я Ярость, а Ярость – я.

Бабо было прозвищем Аббаса, которое он ненавидел, но Дольф всё равно продолжал так его называть. Оглядываясь назад, он немного скучал.

Но речь шла не об этом, конечно. Насколько знал Аббас, никто другой не слышал этого разговора. Даже Уорвал. Лишь он и Дольф были там.

Так каким же образом Гектор мог пробормотать именно это? С чего вдруг он назвал Аббаса учеником Ярости? Как могла Кузня знать хоть что-то о его учителе?

Откровенно говоря, он после этого почти поверил в богов. И поэтому, как только узнал, что Гектор наконец-то очнулся, то начал сильно отвлекаться от работы. Им нужно было поговорить.

На самом деле, он отвлекался так сильно, что думал отправиться в Уоррен немедленно. С его доспехами это будет довольно быстрое путешествие.

Но нет. Он был почти уверен, что Гектор прилетит сам – и скоро. Наверняка юноша хотел проверить Свечу. И тогда Аббас покажет ему Кузню за работой. Из Уоррена на такое не посмотреть.

Поэтому он ждал. И пытался думать о задаче. Пытался удерживаться от взглядов на Амир-Десять, не думать о том, какой будет реакция Гектора.

Этот подарок не соответствовал ситуации, как казалось Аббасу. Для человека, который практически в одиночку спас весь его Халь? Нет. Но какое-то начало.

К счастью, долго ждать не пришлось. Похоже, Гектор уже был в пути, когда он узнал о его пробуждении, потому что не прошло и двух часов, прежде чем юный лорд Гофф появился у дерева. И после такого предвкушения, Аббас был более чем готов его принять.

Хотя он удивился тому, что они прилетели только вдвоём с Гарвелем. Аббас ожидал как минимум всех глав рейнлордов. Вместо этого Гектор приземлился лишь немного грациознее, чем в его прошлый визит. В этот раз кратер не был ни таким глубоким, ни таким длинным, а если он и сломал кости или вывихнул суставы, это не было очевидно.

Аббас и несколько его ассистентов терпеливо ждали у входа в дерево, пока он спешно шагал к ним, не отвлекаясь на дематериализацию доспеха.

— Я очень рад видеть тебя в добром здравии, лорд Гофф, — поздоровался Аббас. Он уже приготовил Амир-Десять для вручения. — Я так много хочу показать. Прогресс уже—

Гектор отмахнулся практически с пренебрежением:

— Нет, нет, слушай, Аббас, послушай. — Он приближался не сбавляя ход. Группе пришлось разойтись и он пронёсся мимо, к Свече. — Я должен показать тебе, как использовать эту штуку.

<http://tl.rulate.ru/book/1701/1366907>